

Чжун Даонань, видя сияющие глаза Сяо Шитоу, сам испытал огромную радость в сердце. Он посадил Сяо Шитоу на стул рядом с собой, чтобы тот удобно сел:

— Сначала поешь немного, потом отдохни немного, а завтра я отведу тебя купить одежду.

С тех пор как Сяо Шитоу принял человеческий облик, вся одежда на нём была от Чжун Даонаня.

Поскольку фигура Чжун Даонаня была намного больше, чем у Сяо Шитоу, вся эта одежда была уменьшена Чжун Даонанем с помощью заклинаний, чтобы Сяо Шитоу мог её носить, но в конце концов она сидела недостаточно идеально.

Однако Сяо Шитоу совершенно не возражал, даже был очень доволен.

Носить одежду А-Наня — чувствовалось, что всё тело пропитано тем легким и элегантным запахом А-Наня, как же он мог это не любить? Одна лишь мысль об этом могла заставить его глупо улыбаться несколько дней подряд.

Но...

— Есть? — Сяо Шитоу поднял глаза и спросил Чжун Даонаня. — Мне тоже нужно есть?

— ...Сейчас, когда ты принял человеческий облик, тебе естественно тоже нужно поесть немного.

— Точно так же, как люди?

— Именно так, — Чжун Даонань поднял руку и ткнул Сяо Шитоу в живот. — Если не будешь есть, здесь будет очень некомфортно.

— А? — Сяо Шитоу снова широко раскрыл глаза.

Странно, но с тех пор как он превратился в человека, А-Нань несколько раз спрашивал его, хочет ли он поесть, но Сяо Шитоу всегда отвечал, что не хочет. И хотя его живот действительно чувствовал себя довольно непривычно, он боялся, что А-Нань будет волноваться, поэтому Сяо Шитоу всё это время молчал.

Оказывается... это голод?

Сяо Шитоу с благоговением посмотрел на свой живот, чувствуя, что теперь немного понимает, почему люди, когда слишком голодны, способны делать ужасные вещи.

Он проголодался всего лишь немного, а живот уже чувствовал себя плохо; а те люди голодали очень долго, насколько же им было плохо?

Чжун Даонань с одного взгляда на выражение лица Сяо Шитоу понял, что тот на самом деле голоден.

Этот глупый камень...

Подумав о прошлой жизни, именно о той зиме.

Когда Сяо Шитоу отнёс Сяо Чжуэр к нему, а потом в одиночку терпел голод и уснул в пещере, сердце Чжун Даонаня невольно сжалось от боли.

Что же сказал этот глупый камень, когда его спасли обратно, и он пил горячую белую рисовую кашу?

«Я думал... я не умру от голода».

«Я думал... я не буду голодать?»

Голос из воспоминаний и голос совсем рядом наложились друг на друга; Чжун Даонань смотрел на Сяо Шитоу с маленькой улыбкой на лице, и образ Сяо Шитоу из прошлой жизни, держащего фарфоровую миску с белой рисовой кашей, сплелся с обликом перед ним.

Чжун Даонань не удержался и поднял кончик пальца, опустил глаза и посмотрел в глаза Сяо Шитоу; его ресницы были опущены, за спиной был свет от окна за окном, из-за чего Сяо Шитоу не мог видеть, что находится в глазах Чжуна Даонаня.

Он услышал, как Чжун Даонань нежным и серьёзным голосом вздохнул и сказал:

— Глупый камень...

Сяо Шитоу подул губами, хотел сказать, что он на самом деле не глупый, но подумав о своём виде раньше, когда он тайком беспокоился, что с телом что-то не так, почувствовал, что действительно немного глуповат.

Раньше он не смел сказать А-Наню, боялся, что А-Нань будет волноваться, или же зря обрадуется.

Ведь А-Нань так надеялся, что он примет облик, а если бы он из-за каких-то причин с телом снова превратился в камень, А-Нань наверняка был бы очень разочарован.

Чжун Даонань, глядя на Сяо Шитоу, который опустил голову и выглядел немного обиженным, не удержался, изогнул губы и тихонько рассмеялся.

Этот звук заставил Сяо Шитоу поднять голову и посмотреть, и тут же покраснел.

А-Нань... так красиво улыбается...

В этом мире, наверное, больше не будет никого красивее А-Наня...

Даже среди камней нет!

Глупо уставившийся на А-Наня Сяо Шитоу очнулся лишь тогда, когда разнеслись звуки музыки.

Идя за звуками музыки, Сяо Шитоу и Чжун Даонань одновременно повернулись к улице за окном и увидели длинную свадебную процессию, одетую в красное.

— Что это делают? — хотя тело бледного юноши чувствовало крайне слабым, он всё же сохранял улыбку и мягко спросил. Только тон казался бессильным, но это уже был лучший вид, который он мог поддерживать, звучащим и выглядящим.

У мужчины в белом на рукавах были пятна крови, оба глаза были черными и пугающими, но весь человек всё ещё сохранял крайне холодное ощущение, в руке он всё ещё держал меч, окрашенный кровью.

В его сердце пылал огонь, яростно горящий, обжигая его. Это была и гнев на тех, кто преследовал, и жалость к юноше в объятиях, и боль от результата, с которым предстоит столкнуться.

Он пришёл в огненно-красную рощу цветов феникса и осторожно опустил юношу в объятиях на землю.

Это было крайне осторожное и бережное действие; глаза юноши всё время оставались на нём, не сдвигаясь ни на йоту, словно так он мог навсегда вырезать его в своём сердце. А мужчина воткнул меч в землю рядом, взмахнул рукой, словно кусок красного облака покрыл горизонт.

Юноша слегка прищурился, и когда разглядел, обнаружил, что это изумительно красивое красное атласное одеяние с золотой вышивкой и узором феникса.

Красная одежда медленно опустилась с высоты и покрыла юношу; мужчина смотрел на него, словно смотрел на весь мир:

— Давай поженимся.

Сначала на лице юноши появилось потрясение, затем это была улыбка... Улыбка счастья и трогательности, переливающаяся из глубины сердца, и в глазах невольно выступила влага. Но он быстро моргнул, прогоняя слёзы, которые вот-вот соберутся вместе, и слегка дрожащим, но крайне твёрдым голосом сказал:

— ...Хорошо.

Давай поженимся.

...

— Это... что делают? — Сяо Шитоу, глядя на свадебную процессию на улице за окном, с любопытством смотрел на этих шумных людей.

В этой процессии все люди улыбались от радости, словно каждый был очень счастлив. Лицо мужчины в красном одеянии, ехавшего впереди на высокой лошади, было ещё больше неспособно сдержать улыбку.

В середине процессии была ещё красная маленькая паланкин, и через окно с занавеской можно было смутно видеть женщину в фениксовой короне и одеянии, сидящую внутри.

Когда эта процессия, играя праздничную музыку, проходила мимо здесь, прохожие на дороге тоже естественно разделились на две стороны, с улыбками на лицах глядя на эту процессию.

Чувство... словно все очень рады.

— Это свадьба, — на губах Чжун Даонаня играла нежная улыбка, он подвинулся к Сяо Шитоу, сидя очень близко к нему.

Сяо Шитоу очень естественно прислонился к руке Чжун Даонаня, всё ещё глядя на улицу за окном, глаза прищурились:

— Что такое свадьба?

— Свадьба... — Чжун Даонань подался вперёд, заточив Сяо Шитоу в объятиях, и прежде чем

Сяо Шитоу успел среагировать, прошептал ему на ухо. — Свадьба — это клятва всему миру, что мы вечно принадлежим друг другу, не оставляем и не предаём, верны своей клятве.

С направления двери кабинета раздался глухой звук «бум».

Покрасневший до корней волос Сяо Шитоу повернул голову и увидел слугу, который только что ещё был красноречив, а сейчас стоял у двери в полном замешательстве, словно увидел какую-то невероятную картину и застыл.

Когда Сяо Шитоу посмотрел на него немного, затем сжался перед Чжун Даонанем и тихо позвал:

— Слуга?

Лишь тогда слуга наконец вернулся в себя, полминуты глядя на Сяо Шитоу, который покраснел словно яблоко, и заикаясь произнёс:

— Го... господин... Вы... вы... вы... ваш заказ готов.

Сяо Шитоу немного смутился, но Чжун Даонань вёл себя естественно и великодушно.

Он кивнул слуге, позволил ему поставить то, что он держал в руках, на стол, дал слуге немного чаевых и отпустил его.

— А-Нань, слуга выглядит не очень хорошо... Почему?

— Возможно, его тело немного не комфортно.

Услышав, что так сказал Чжун Даонань, Сяо Шитоу подумал и, покачав головой, вздохнул:

— Тела обычных людей такие слабые, нужно больше тренироваться, чтобы тело было здоровым.

— Не думай об этом, поешь немного, — Чжун Даонань подцепил немного еды палочками и поднёс к губам Сяо Шитоу, затем так смотрел на него, в позе собирающего кормить Сяо Шитоу едой.

Сяо Шитоу...

Сяо Шитоу снова немного покраснел от того, что на него так смотрели.

Однако в конце концов Сяо Шитоу принял обслуживание Чжун Даонаня; во-первых, конечно, он был очень рад, что А-Нань кормит его едой, чувствовал особенное счастье; во-вторых, потому что после принятия облика Сяо Шитоу даже ходил неудобно, не говоря уже о том, чтобы брать палочки для еды.